

Политическая направленность гравюр против «властей предержащих», с такою тщательностью вскрываемая исследователями XIX и XX вв., не укрылась бы от современников и, без сомнения, не осталась бы без последствий. Светские народные картинки потому и дошли до нас в составе коллекций XVIII в. несравненно полнее, чем духовные, что они свободно продавались на улицах Москвы. В число гравюр, отобранных у продавцов, они попадали случайно и не вызывали особых репрессий.²³

5. Трактовка Д. А. Ровинского и В. В. Стасова в корне противоречит природе народного творчества. Народной картинке XVIII в., как и всему народному искусству, чужда конкретность изображения. Даже газетное сообщение в народной гравюре превращается в сказку («Кит, пойманный в Белом море», «Изображение сатира, показанного в Испании в 1760 году» и другие гравюры на сообщения газеты «Московские ведомости»). «Сегодняшнее, помеченное числом, месяцем, годом событие... трансформируется, утрачивая признаки времени».²⁴ Лубку, особенно на раннем этапе его развития, чужда карикатурность, высмеивание конкретного явления и тем более конкретного лица.

Таковы те общие положения, фактические неточности и смысловые противоречия, которые заставляют вернуться к вопросу, казалось бы, окончательно решенному столетие назад.

Попробуем отбросить привычную точку зрения и вновь обратиться к исследованию памятника.

В статье рассматриваются картинки о погребении кота мышами, гравированные на дереве. Самые ранние и потому самые важные для истории возникновения сюжета, они в то же время наиболее интересны в художественном отношении.

Гравюры снабжены обширными текстами и соотносятся между собой подобно спискам литературных памятников. Поэтому в определении последовательности их появления большую помощь оказывают методы современной текстологии. При этом, конечно, текст нельзя отрывать от изображения.

Сохранилось четыре варианта гравюры на дереве «Похороны кота мышами». Первый хранится в отделе эстампов Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Гра-

щенных изображений не подвергались цензуре», справедливо пишут историки литературы. См., например: *Кузьмина В. Д.* Рукописная книга и лубок. — В кн.: История русской литературы. М.; Л., 1947, т. IV, ч. 2, с. 50; *Русская демократическая сатира XVII века.* М., 1977, с. 200.

²³ Так было, например, в 1731 г. (См.: ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 1, д. 178, л. 13—23; *Алексеева М. А.* Из истории гравюры Петровского времени. — В кн.: Русское искусство первой четверти XVIII в. М., 1974, с. 188; *Мишина Е. А.* Ранняя русская гравюра. Конек XVII—начало XVIII века. Новые открытия: Каталог. Л., 1980, с. 5). В 1766 г. при исследовании деятельности граверов Д. И. Скобелкин объявил, что у него имеются «не принадлежащие до святости листы», однако они не вызвали интереса и не были включены в список конфискованных досок (ЦГАДА, ф. 1184, оп. 2, ч. 1, д. 546, л. 9, 17 об.—19).

²⁴ *Семенова Т. С.* Народное искусство и его проблемы. М., 1977, с. 212.